

па: // <https://www.runivers.ru/bookreader/book9581/#page/16>. – Дата доступа: 29.03.2018.

2. *Балябін, Аляксандр*. 1812 год у вядомай працы Я. Тышкевіча / Аляксандр Балябін // Гоман Барысаўшчыны. – 2005. – № 11–12 (80–81); 2006. – № 1–5 (82–86).

3. *Балябин, Александр*. Война 1812 года на Борисовщине: краткая хронология событий / Александр Балябин // Адзінства. – 2017. – № 49.

4. *Белы, Иван*. Тутэйшы кнігазбор / Иван Белы, Міхась Мацельскі, Міхась Пучыла // Гоман Барысаўшчыны. – 2008. – № 12 (117).

5. *Краснянский, В. Г.* Борисов и Борисовский уезд в Отечественную войну 1812 года / В. Г. Краснянский. – Гродно, 1914. – 64 с.

6. *Лукашевич, А. М.* Памятники и памятные места 1812 года в Беларуси / А. М. Лукашевич. – Минск : Харвест, 2012. – 288 с.

7. *Тышкевич, Е. П.* Описание Борисовского уезда (историческая часть) / Е. П. Тышкевич; пер. с пол. Ч. И. Пухальского; ред. комиссия: Ж. В. Гилевич, Н. Г. Поворотная, А. В. Савич. – Борисов, 2008. – 148 с. (Печатается по изданию : Tyszkiewicz, E. «Opisanie powiatu Borysowskiego». – Wilno, 1847).

8. *Шпилевский, П. М.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Минск : Полымя, 1992. – 251 с.

9. *Tyszkiewicz, E.* Opisanie powiatu Borysowskiego / E. Tyszkiewicz. – Wilno, 1847. – 506 s.

О. Л. ГУТЬКО

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ КРЕСТЬЯНСТВА В ТРУДЕ Е. П. ТЫШКЕВИЧА «ОПИСАНИЕ БОРИСОВСКОГО УЕЗДА»

Семиотическое постижение смысла культуры XIX в. – понимание реальности в свете представлений человека о мире – проявилось в интересе к крестьянскому образу жизни у аристократов. Они видели инаковость культуры крестьян в сравнении со своим укладом жизни. Это стало одной из причин возникновения европейского романтизма в первой половине XIX в., когда публикации философских работ И. Канта стали его идеологической основой. К примеру, братья Гримм, Шарль Перро, Фридрих Шиллер обратились к записи

сказок и преданий крестьян, воплощая их в обработанной форме в текстах произведений. Тенденции романтизма не обошли стороной Виленский университет на белорусских землях. По инициативе студентов тайно создавались кружки филоматов (1817) и филаретов (1820). Студенты переводили работы И. Канта с языка оригинала на польский, знакомились с новым философским мировоззрением, где переосмысливали ответы на вопросы о гармоничной и идеальной жизни. Природа, а не религия, стала идеей достижения счастья. Крестьянский образ жизни стал новым идеалом гармоничной жизни. Разночинцы-студенты стремились найти источник творческого вдохновения в природном окружении, суровом быту, трансцендентальном уровне существования, утвержденном философом эпохи классического немецкого Просвещения И. Кантом. Студенты Виленского университета Т. Зан, Я. Чет, А. Мицкевич, В. Сырокомля в художественных текстах использовали фольклорный материал, собранный во время поездок по белорусским деревням и в беседах с крестьянами. Описание крестьянского быта XIX в. встречается в материалах русскоязычных исследователей П. В. Шейна, А. И. Богдановича. В этнографических текстах подробно показана духовная культура крестьян, их земледельческие обычаи. Русский офицер П. В. Шейн и отец знаменитого белорусского поэта Максима Богдановича Адам Богданович в описании использовали точное воспроизведение песен с значительным пояснением сопровождающих действий, изредка делая обобщенные характеристики жизни белорусского крестьянства.

Цель данной статьи – выявление качественных характеристик культуры повседневности крестьянства в книге Е. П. Тышкевича «Описание Борисовского уезда» (Вильно, 1847), позволяющих обобщить текст исследуемой работы.

Термин «культура повседневности» базируется на категориях «тело – дом – поселение» [8, с. 178], что свидетельствует о схематичности толкования этого понятия. Если же обратиться к подробному исследованию термина «культура повседневности», то можно найти значительно более глубокий смысл, предложенный в трудах Н. Н. Козловой, И. В. Утехина, Ю. В. Чернявской. Культура повседневности связана с выявле-

нием двойных стандартов, особенностей гендерного взаимодействия, преимущества материального уклада жизни над духовными ценностями и расслоением общества по принципу наличия материального достатка.

Обратимся к современным исследованиям традиционной крестьянской культуры. Их можно представить в двух направлениях:

– фиксация фольклорного наследия в текстовых формах эпоса и нотах, аудиозаписях и документальных фильмах, музыкальных напевах, материальных ценностях культуры – предметах декоративно-прикладного творчества и архитектуры. На их основе приобщение к традиционной культуре у человека должно происходить непроизвольно. Часто отмечается в работах указанного направления, что нравственные ценности крестьян в произведениях материального и духовного наследия остаются за гранью понимания у наших современников;

– осмысление фольклорного наследия как погружение в иную культуру – культуру повседневности. В культуре повседневности выявляется причинно-следственная связь между ценностями и их воплощением в быту. Под категорией быта подразумеваются «семейные отношения, распределение ролей в семье, распорядок дня, характер питания, отношения к труду» [1, с. 9] – все, что связано с жизненным укладом. Это направление в исследованиях подразумевает выявление знаково-символического пространства традиционной культуры, ее составляющих элементов, а именно – «тела, жилища, поселения» [8, с. 178]. Уникальная интерпретация найденных значений будет учитываться при исследовании картины мира человека в культуре повседневности.

Под культурой повседневности мы подразумеваем систему жизнедеятельности, рассматриваемую в ритмах и циклах традиций человека и социальных групп, основанных на характеристиках телесности, жилища и поселения. В основе исследования крестьянства лежит понимание культуры повседневности, представленное А. Шюцем:

– социальная реальность. Это совокупность предметов и событий общественного культурного мира, в котором принят

общий смысл повседневного существования со множеством отношений и взаимодействий. Это мир культурных объектов и социальных институтов [10]. К примеру, народная поговорка «Двадцать три – замуж беги» символизирует условный возрастной рубеж, когда девушке надо выходить замуж;

– мир повседневной жизни. Человек смешивается с реальностью, где вправе изменять свое социальное поведение [10]. Приведем в пример народную поговорку «Людей слушай, а свой ум надо иметь», утверждающую двойные стандарты поведения человека;

– биографическая ситуация. В условиях, ограничивающих жизнь, А. Шюц установил два типа элементов:

- 1) те, что управляемы или могут быть управляемы;
- 2) те, что находятся вне или за возможностью управления.

Человек пытается изменить мир, который его окружает. Биографическая ситуация обуславливает место действия, возможности и принятие решений [10]. В пример можно привести поговорки: «Ни ложки, ни миски, а поставили три колыски», «Горбатого могила исправит».

Методология исследования исторического документального текста для выявления культуры повседневности крестьянства основана на феноменологическом и герменевтическом подходах, рассматриваемых в трудах А. Шюца, Э. Гуссерля, Г. Гадамера, П. Рикера, Н. Н. Козловой. Чаще всего интерпретация текста основывается на понимании герменевтического круга, предложенного Г. Гадамером, где отношение к событию формируется на основе мировоззрения, и мировоззрение становится залогом происходящих событий. Герменевтический круг будет захватывать все больше и больше знаков в бесконечном обновлении: знак – интерпретация – значение. «Ганс Георг Гадамер пытался утвердить свою “феноменологическую герменевтику”, взывая к идее герменевтического круга – способности человека распознавать и обобщать определенные представления только на основе интерпретации его отдельных случаев, а понять определенное действие или памятник – лишь посредством обращения к создавшему их “мировоззрению”» [2]. По мнению Рикера, необходимо уделять внимание традиции культуры, уникальности автора и интерпретатора, которые

формируют границы понимания текста. Поэтому интерпретация текста основана на нескольких величинах, которые создают огромное количество вариантов, среди которых необходимо достичь максимально объективного результата с учетом погрешности авторского понимания.

Значительной эффективностью обладает герменевтический метод, предложенный Н. Н. Козловой [4]. Он требует от исследователя не находиться внутри события, но и не отдаляться, наблюдая за ним со стороны. Метод символично можно представить как «постоянное движение исследователя со сцены в царскую ложу и обратно, возвращаясь на сцену. Исследуя текст, обращаться не только к количественным показателям, но и качественным, используя биографические обстоятельства создания текста, принимая во внимание не только ситуацию жизни автора, но и социальную значимость предмета исследования» [4, с. 56].

Обратимся к биографии Евстафия Пиевича, чтобы быть осведомленными о его исследовательских интересах.

Евстафий Пиевич Тышкевич (родился 18 апреля 1814 г., Логойск Борисовского уезда Минской губернии – умер 25 августа 1873 г., Вильно) – граф, представитель рода Тышкевичей. Он снискал известность в дворянский период науки эпохи Просвещения как археолог, историк, этнограф, краевед, коллекционер, создатель Виленской археологической комиссии и Музея древностей в Вильно. Евстафий Пиевич был принят в члены Датского королевского общества любителей северных древностей, являлся членом-корреспондентом Стокгольмской королевской академии изобразительного искусства и древностей, членом Лондонского археологического института, почетным членом Петербургской Академии наук, камер-юнкером Двора его императорского Величества. Евстафий Пиевич Тышкевич был признанным ученым не только в Российской империи, а также во многих странах Западной Европы высоко оценивали его талант исследователя.

Евстафий был младшим братом Константина Тышкевича. Они родились в Логойске с разницей в восемь лет. Тышкевичи – «магнатский род на Беларуси, представители которого занимали государственно-административные и военные дол-

жности в ВКЛ в XVI–XVIII вв. Они владели большими поместьями в Беларуси, на Украине и в Литве» [3, с. 21]. Отец Евстафия и Константина был образованным человеком, интересующимся древностями, он составил хронику Логойска и в столетнем возрасте был выбран членом Виленской археологической комиссии.

С 1824 г. Евстафий учился в Виленской гимназии. Прервав учебу в Вильно, окончил гимназию в 1831 г. в Минске. В 1831–1835 гг. пребывал в Москве, где «занимался оформлением царских и императорских наград при сенате в орденском капитуле» [9, с. 19]. Переехал на белорусские земли в 1835–1865 гг. Евстафий Пиевич был утвержден почетным смотрителем училищ Борисовского уезда. Осенью 1844 г. его выбрали маршалком уездного дворянства, а через три года стал куратором Минской гимназии. На протяжении многих лет Евстафий Пиевич интересовался археологией. Начиная с 1837 г. проводил раскопки курганов в Виленской и Минской губерниях, коллекционировал предметы старины, издавал древние рукописи, публиковал собственные книги и статьи по археологии и статистике.

В 1830–1840-х гг. Евстафий Пиевич планировал создать ученое общество и музей. Идея воплотилась в 1855 г., когда был создан Музей древностей Временной археологической комиссии. Евстафий Пиевич стал ее председателем и попечителем музея, основу которого составили его коллекции – свыше двух тысяч предметов древности (каменные молоты, языческие идолы, старинное оружие и т. п.), библиотека в три тысячи томов, три тысячи монет и медалей, свыше тысячи гравюр, географических карт, медных гравированных досок и т. д., семи тысяч томов из упраздненных римско-католических монастырей, «приобретение коих стоило ему двадцатилетних трудов и значительной части состояния» (П. В. Кукольник). «Большую часть жизни, сил и духовных устремлений Евстафий Тышкевич отдал музею, который должен был отражать материальную культуру Беларуси и Литвы. Собранных экспонатов было достаточно, но после восстания 1863–1864 гг. экспозиция была подвергнута «ревизии» и объявлена «поль-

ской интригой». Экспонаты сотнями отправляли в Москву. Это было болезненным ударом для братьев Тышкевичей» [9, с. 19].

С 1865 г. Евстафий Пиевич жил в Биржах на территории литовских земель, освоил литовский язык, собирал фольклор, этнографический материал, проводил археологические раскопки. Умер в Вильно в возрасте 59 лет. Похоронен на кладбище Расу [6].

Из приведенных биографических сведений нам известно, что Евстафий Пиевич Тышкевич был увлечен сбором коллекции музея культуры белорусских земель. Труд всей его жизни был оценен за рубежом, но на родине ученый не смог осуществить свои планы системного исследования культуры белорусских земель из-за социально-политических коллизий – польского бунта 1863–1864 гг. против действующей государственной власти Российской империи. Социально-этнографическое, историческое и естественно-научное исследование «Описание Борисовского уезда» Евстафия Пиевича Тышкевича было издано на польском языке – именно польским языком местная шляхта пользовалась в повседневном обращении.

Наиболее интересный семиотический разбор культуры повседневности крестьянства предлагает Н. Н. Козлова [5]. В ее работах прослеживается мысль, что до Октябрьской революции существовало регламентированное деление общества на два слоя – слой джентльменов и слой крестьян. Революционные события стали поводом для создания новой жизни и рубежом деления между прежним устоем крестьянства и аристократической (дворянской, шляхетской) культурой. Две культуры никогда не пересекались и были строго ограничены в отношениях. В начале XX в. образ крестьянина был предметом насмешек в аристократической культуре, затем утвердился в основе новой советской культуры, которая до сих пор значима в постсоветской действительности [4].

Крестьянство придерживалось традиций, где жизненный уклад органично сливался с природным циклом времен года. В ритмизированном бытии сложно почувствовать ответственность за цель. «В крестьянской жизни нет приватности – все находится под постоянным контролем общества. Биографии крестьян чаще всего представляются как биографии семьи

и рода, чем отдельного человека, поэтому он “не выламывается” из общности. Он становится усредненным, не представляющим жизни вне общины, безынициативным.

Жизнь крестьянства основывается на ритуалах. Ритуал представляет собой манипуляции с телом – телесность. На уровне вербальных практик поведение регулируется пословицами и поговорками, которые воплощают принятые нормы жизни.

У крестьян сильна традиция “деления кусочков”. Раздача “кусочков” – это возможность опоры на других и желание поделиться с остальными. Это может быть как вынужденное дарение, так и добровольное угощение.

Повседневное сопротивление крестьян выразилось в технике сопротивления “листьев травы” – волоките, упрямстве, симуляции, дезертирстве, воровстве, мнимом неведении, саботаже, поджогах. Подобные действия позволяют избежать явного столкновения с властями, обидчиками и, тем не менее, показать свое недовольство и утвердить справедливость. Такое социальное поведение часто характеризуется иждивенчеством» [5, с. 48–60].

Выделенные характеристики крестьянской культуры свойственны и для остальных слоев населения, включая их антагонистов – аристократов, иначе джентльменов.

Представим семиотический разбор текста Е. П. Тышкевича, чтобы распознать понимание культуры повседневности крестьян.

Если основываться на прямом понимании текста Е. П. Тышкевича, можно представить крестьян как ленивых, малоподвижных и не стремящихся к значительным преобразованиям. В дальнейшем описании Евстафия Пиевича мы видим активную позицию крестьян, готовых работать в любых условиях, сопряженных с трудностями.

Образ крестьянства в работе Е. П. Тышкевича подан с позиции различий в местном ландшафте. Автор не уточняет форм проявления традиционной культуры крестьянства, делает возможные попытки обобщения их жизни на уровне ценностных идеалов. Приводит описание их рода занятий и предпочтений, одежды мужчин и женщин. Кроме деления на две значительные группы – те, что живут около леса и те, что работают на

земле, заметны отличия в одежде у незамужних девушек и замужних женщин, что подчеркивает их разный социальный статус. Нельзя утверждать, что статус замужней женщины был привлекательным во внешнем облике, но все девушки украшали себя с целью привлечь к себе внимание женихов и выйти замуж. Поэтому можно сказать, что одежда без украшений свидетельствует о более весомом социальном статусе, чем одежда с украшениями.

Обратимся к переводу текста Е. П. Тышкевича, чтобы подробно на его основании провести семиотический анализ [7, с. 122–126].

На основании рассмотренного описания жизни крестьян в работе Е. П. Тышкевича выделим характеристики культуры повседневности крестьянства:

- циклический ритм жизни крестьян налагает манипулятивные телесные практики, связанные с обрядами и ритуалами. Они доставляют радость человеку от совершения традиционных ритуалов и обрядов, несмотря на суровые условия жизни;

- общинный уклад жизни крестьян не позволяет выделяться кому-то, быть «не как все». Все крестьяне носят одинаковую одежду, которая позволяет им быть признанными своими и чужими социальными группами. Община защищает крестьян от чрезмерных усилий, что позволяет выживать и не идти на прямой конфликт с властью;

- бесперспективность значительных усилий крестьян объясняет их лень и безразличие к достижению наживы – это жизнь на экзистенциальном пограничье природы и общества, жизни и смерти. Возможно, по этой причине Е. П. Тышкевич назвал крестьян ленивыми и безразличными к чужой собственности;

- внешний вид женщины – показатель успешности в ее окружении. Незамужняя девушка по социальному статусу ниже замужней женщины, хотя ее одежда отличается украшениями и яркостью вышивки и выбором ткани. Патриархальный уклад жизни указывал на ее ущербность и беспомощность в ведении земледельческих работ;

- деление крестьян на общности исходя из их места проживания (полешуки и полевики) налагало определенные требова-

ния к устоям жизни и нормам поведения, а значит, формировало разный социальный характер. Условия природного окружения стали принципом формирования социального уклада жизни и характера людей.

Принципы культуры повседневности крестьян в выделенных характеристиках не отличаются от принципов культуры повседневности аристократов, так как и в аристократической культуре были сформированы цикличность и манипулятивные телесные практики. Аристократы также, как и крестьяне, придерживались семьи, рода и не стремились выйти за границы дозволенных социальных норм. Они не стремились прилагать усилия для обогащения, поскольку их увлечения больше были связаны с получением эстетических удовольствий и созерцания – создание и публикация исследовательских трудов, сбор древностей, игра в азартные игры или охота. Социальное положение женщины не отличалось у аристократов от крестьянских представлений, поскольку незамужняя девушка всегда оценивалась общественным мнением с целью создания семьи и успешного продолжения рода. На общественное обсуждение выносили природные данные барышни и размеры приданого выгодной партии. Условия жизни аристократов в городах и поместьях предполагали отличие в отношении к социальной реальности, чем формировали разные социальные предпочтения.

Представленные обобщенные характеристики позволяют говорить об изолированности социальных сословий крестьян и аристократов и, в то же время, схожести структуры представлений в картине мира каждого из сословий. Социальный уклад жизни крестьянства в труде Е. П. Тышкевича «Описание Борисовского уезда» можно расценить как знакомство с иной, другой культурой. В свою очередь, семиотический разбор описания крестьянства показывает схожесть принципов культуры повседневности аристократов и крестьян. Подобные принципы культуры повседневности и различные материальные возможности свидетельствуют о едином идеале отношений людей в культуре, созданном у разных социальных групп.

1. *Байбурин, А. К.* Этнография нашего бытия / А. К. Байбурин // Утехин, И. В. Очерки коммунального быта / И. В. Утехин. – 2-е изд., доп. – М., 2004. – С. 7–20.

2. Герменевтика [Электронный ресурс] / Инсай – вертикальное развитие. – Режим доступа: <http://www.insai.ru/slovar/germenevtika-1>. – Дата доступа: 21.04.2018.

3. *Грыцкевіч, А. П.* Радавод Тышкевічаў / А. П. Грыцкевіч // Другія Тышкевіцкія чытанні (Лагойск, 15 кастр. 2009 г.) : матэрыялы чытанняў / рэдкал.: А. І. Смолік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2009. – С. 21–25.

4. *Козлова, Н. Н.* Советские люди. Сцены из истории / Н. Н. Козлова. – М. : Европа, 2005. – 544 с.

5. *Козлова, Н. Н.* Социально-историческая антропология : учебник / Н. Н. Козлова. – М. : Ключ-С, 1998. – 192 с.

6. Тышкевич, Евстафий Пиевич // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%8B%D1%88%D0%BA%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87,_%D0%95%D0%B2%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%84%D0%B8%D0%B9_%D0%9F%D0%B8%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87. – Дата доступа: 23.04.2018.

7. *Тышкевич, Е. П.* Описание Борисовского уезда (историческая часть) / Е. П. Тышкевич ; пер. с пол. Ч. И. Пухальского ; редкол.: Ж. В. Гилевич, Н. Г. Поворотная, А. В. Савич / пер. по изд. Tyszkiewicz E. «Opisanie powiatu Borysowskiego». – Wilno, 1847. – Борисов, 2008. – 148 с.

8. *Чернявская, Ю. В.* Этническая культурология: концепты, подходы, гипотезы / Ю. В. Чернявская. – Минск : Беларус. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. – 263 с.

9. Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў / уклад., сістэматызацыя тэкстаў і камент. В. І. Скідана, А. М. Хрушчовай. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – 342 с.

10. Шюц, Альфред [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D1%8E%D1%86,_%D0%90%D0%BB%D1%8C%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%B4. – Дата доступа: 23.04.2018.